

Память и норма цивилизации:

рассказы о прошлой и будущей жизни
в Ленинграде в 1941–1942 годах

Сергей Викторович Яров
(р. 1959) – историк,
профессор Российского
государственного педа-
гогического университе-
та им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург).

Рассказы о прошлой и будущей жизни стали обыкновением в блокадные дни. В том, что они велись, ничего необычного не было – это характерный и традиционный повседневный ритуал. Иное дело их содержание и доминанты. Они весьма точно отразили ритм «смертного времени» с его упрощением и деградацией жизненных практик. Чаще и охотнее всего говорили о продуктах, причем все: писатели, артисты, школьники, рабочие, домохозяйки¹.

«Сейчас легко вести непринужденную беседу в гостях – достаточно заговорить о еде», – отмечал Израиль Меттер². Встречаясь, люди не просто делились новостями о том, где можно быстрее «отovarить» карточки, в каких магазинах есть сахар, а где вместо него дают «сласти». Рассказ о еде становился самодовлеющим, зачастую никак не связанным с сегодняшним днем. Блокадники стали быстро осознавать патологичность подобных разговоров³: их продолжительность, страстность, однообразие и повторяемость.

Запрет на такие разговоры можно счесть одной из форм самоконтроля, но едва ли он был эффективным. Бесконечным рассказам о еде трудно было что-то противопоставить в условиях специфического «досуга», определяемого болезнями,

- ¹ «Производственный день начинается, продолжается и кончается разговорами о еде» (Гельфер Г.А. *Дневник. 20 февраля 1942 года*. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 24. Л. 14). См. также: Друскин Л. *Спасенная книга*. СПб., 2001. С. 126; Голлербах Э. *Из дневника 1941 года // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе. 1941–1944*. СПб.: Наука, 1996. С. 186; Зеленская И.Д. *Дневник. 8 ноября 1941 года*. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 28; Остроумова-Лебедева А.П. *Дневник // Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки*. М., 2003. Т. 3. С. 262; Ползикова-Рубец К.И. *Они учились в Ленинграде*. Л., 1954. С. 58 (дневниковая запись 30 ноября 1941 года).
- ² МЕТТЕР И. *Избранное*. СПб., 1999. С. 108.
- ³ «Бесконечными и удручающими» назвал их оказавшийся во время блокады в госпитале А. Поляков (Поляков А. *Три эпизода // Память. Письма о войне и блокаде*. Л., 1985. С. 140); см. также запись в дневнике Ползиковой-Рубец 30 ноября 1941 года: «Разговоры о еде приносят вред, разжигая чувство голода, но прекратить их трудно» (Ползикова-Рубец К.И. *Указ. соч.* С. 58); рассказ Льва Разумовского об отце, мечтавшем о подовых пирожках и творожниках: «Он говорит подробно и увлеченно... Мать с болью в глазах гладит его по голове, стараясь переключить. Он раздражается, сердится на нее» (Разумовский Л. *Дети блокады // Нева*. 1999. № 1. С. 26); воспоминания Дмитрия Лихачева: «Перед отъездом Юра обещал прислать еды. Отец ждал этой еды со страшным нетерпением: все время думал о том, что Юра пришлет копченой колбасы. Он все время говорил о еде» (Лихачев Д.С. *Воспоминания*. СПб., 1997. С. 485).

истощением, ограниченностью в передвижениях, отсутствием света, тепла и, наконец, бомбежками – именно в бомбоубежищах они начинались быстрее всего. В этом запрете было что-то искусственное, похожее на игру. Так, в одном из госпиталей во время ночных дежурств было запрещено говорить о еде, о себе и своих родных, и даже о войне, а нарушившие правило подвергались штрафу⁴. Наказанием грозила школьникам за такие разговоры и педагог Ксения Ползикова-Рубец – но едва ли она рискнула бы отнять у них, как обещала, «хлебные корочки» в виде штрафа⁵.

Поиски хлеба являлись осью блокадного быта, и разговоры о нем не могли не возникнуть. Сначала это мог быть прагматичный обмен сведениями, а затем, неудержимое, захватывающее всех и не скоро заканчивающееся описание еды – вкусной, сытной, обильной, – поражающее гастрономическими излишествами. Никакими запретами этого было не искоренить.

Во всех этих рассказах была одна особенность, которая стоит того, чтобы быть отмеченной. Речь обязательно шла именно о вкусной и, что очень важно, «цивилизованной» пище – не о столярном клее, не о студне из ремня, не о соевых лепешках, не о супе из крапивы. Не просто еда как таковая, а своеобразный отбор наиболее аппетитных яств – он определял последовательность этих, как выражался один из блокадников, «фантастических гастрономических повестей»⁶. Наиболее откровенно данная особенность проявлялась в среде школьников. Им легче было переступить правила чинных бесед и было привычнее непосредственно выражать свои чувства, не маскируя их культурными нормами. Они были готовы постоянно сравнивать различные продукты, и предпочтение, оказываемое одному из них, высказывается особо эмоционально. «Что может быть вкуснее хорошей котлетки и к ней много-много макарон», – услышала в бомбоубежище, опекая детей, Ксения Ползикова-Рубец⁷. В другом бомбоубежище школьница В. Базанова записала и такие разговоры учащихся во время бомбежки: «Я бы съела сейчас сосисок с пюре или жареных макарон, знаешь, с корочкой. Если бы мне предложили пирожное или 100 грамм хлеба, я бы взяла хлеб»⁸.

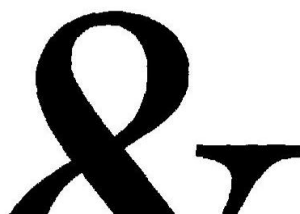
4 Рончевская Л.А. *Воспоминания о блокаде Ленинграда*. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1249. Д. 14. Л. 4.

5 Ползикова-Рубец К.И. *Указ. соч.* С. 58.

6 Поляков А. *Указ. соч.* С. 140. Фантастическими эти «повести» являлись, конечно, только по блокадным меркам. См. письмо Т. Ригиной, отправленное из Ленинграда в декабре 1941 года: «Мечтаем о всевозможных кашах, супах – и вообще о съедобном, в особенности о масле, мясе, сладостях» (цит. по: РИГИНА Т. *Карельское студенческое братство // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград*. Петрозаводск, 2005. С. 37).

7 Ползикова-Рубец К.И. *Указ. соч.* С. 58.

8 БАЗАНОВА В. *Вчера было девять тревог. Дневниковая запись 22 октября 1941 года // Нева*. 1999. № 1. С. 128.

Имел значение и способ приготовления, который тоже своеобразно подчеркивал «цивилизованность» еды, – сколько записей можно встретить в это время о том, как люди мечтали о «румяной корочке». Подчеркнем и интерес к поваренным книгам⁹ – энциклопедиям настоящей, не блокадной и не суррогатной, еды.

Главным эталоном цивилизации стала довоенная повседневность. Блокадники сравнивали свое настоящее именно с ней, хотя она и не была такой сытой и богатой. Как раз она, будучи испытанной, прочувствованной, близкой и осязаемой, а не смутные представления о том, что необходимо человеку для «полного счастья», являлась своеобразным, но незыблемым идеалом.

{ Главным эталоном цивилизации стала довоенная повседневность. Блокадники сравнивали свое настоящее именно с ней, хотя она и не была такой сытой и богатой.

Рассказы о «вкусной» пище были первичным импульсом к разграничению цивилизованного и нецивилизованного. «Сейчас не кушаешь пельмени да яйца, а кушаешь все что попадет, даже соевый суп, от которого тошнит», – писала 10 октября 1941 года, еще в то время, когда голод не проявлялся столь сильно, А. Боровикова¹⁰. И это четкое деление на хорошее и плохое остается в дальнейшем, оказываясь остовом представлений об обычной еде. Это может быть не только сравнение традиционных «аппетитных» кушаний и вызывающих омерзение пищевых суррогатов. Иногда мы видим, как место «вкусной» пищи занимают дуранда, жмых и заменители молока¹¹. Но и в измененной форме, на более низком, «блокадном», уровне эта оппозиция «вкусное–невкусное» все равно не исчезает. И это различие есть то, что не позволяет окончательно утратить представление о норме, хотя и основательно размытой военным временем. Любое улучшение качества еды так же упрочает ее критерии. Сначала удовлетворялись любым куском хлеба, потом мечтали о вкусном хлебе вместо того сырого черного месива с опилками, который выдавали в январе 1942-го. 27 февраля 1942 года Елена Мухина записыва-

⁹ Остроумова-Лебедева А.П. Указ. соч. С. 262.

¹⁰ Боровикова А.Н. *Дневник. 10 октября 1941 года*. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 15. Л. 58 об.

¹¹ См. дневник Елены Мухиной, запись 18 декабря 1941 года: «Сегодня нам в школе дали не желе, а простоквашу из соевого молока... Очень вкусно, я принесла домой и поделилась... им тоже понравилось» (Мухина Е. *Дневник. 18 декабря 1941 года*. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 72. Л. 65 об.).

ет в своем дневнике: «В булочной всегда есть вкусный хлеб, но людям все мало. Все... жалуются... начинают мечтать о булке, о пряниках»¹².

СЕРГЕЙ ЯРОВ
ПАМЯТЬ И НОРМА
ЦИВИЛИЗАЦИИ...

Цивилизационный навык и потребность во «вкусной» пище могли сохраняться и посредством специфического «облагораживания» блокадной еды. Этим занимались повсеместно. То отвращение, которое испытывали к суррогатам, можно ведь рассматривать и как элемент сопротивления распаду. Требовалось преодолеть не только естественное физиологическое, но и психологическое отторжение. Можно было сделать удобоваримый (другого слова здесь не подберешь) студень из ремней и особым способом приготовить нечто съедобное из столярного клея. И все равно, одна лишь мысль о том, что это клей и ремень вызывает почти непреодолимое чувство тошноты, – сколь много других, «не пищевых», ассоциаций с ним прочно спаяны в сознании людей.

«Едим столярный клей», – записывает в своем дневнике 1 января 1942 года Анна Остроумова-Лебедева. «Ничего. Схватывает иногда первая судорога от отвращения, но я думаю, что это от излишнего воображения. Он, этот студень, не противен, если положить в него корицу или лавровый листок»¹³. Даже при взгляде на это суррогатное месиво проявляются все те же приемы различения: что-то не так плохо, а что совсем плохо, то следует «подсластить» более вкусным. Такие же приемы характерны и для других блокадников. И.Д. Зеленская задумалась над тем, нельзя ли дрожжевой суп, эту безвкусную белесоватую массу, сделать лучше: «Есть ее можно, насовав туда перца и горчицы»¹⁴. В другой семье, возможно, в такой же суп положили «две пластиночки лука... – это очень вкусно»¹⁵. М.М. Краков хотел испечь лепешку из гнилой картошки: «Плохо, но если попробовать поджарить на масле?»¹⁶

«Облагораживание» еды – все тот же акт поддержания цивилизационных норм, характерных для мирного времени. Представление о добротной еде, ощущение вкуса и безвкусицы, различение хорошего и плохого определялось прежде всего эталонами мирной жизни. Воспоминания о довоенном быте помогали осознавать вновь и вновь эталон «правильной» еды и в бесконечных разговорах о том, кто, когда и почему не купил в «доблокадных» магазинах и аптеках еще имевшиеся там продукты и лекарства. Там не стали брать лук, здесь прошли

¹² Мухина Е. *Дневник*. 27 февраля 1942 года. Там же. Л. 86.

¹³ Остроумова-Лебедева А.П. *Указ. соч.* С. 271.

¹⁴ Зеленская И.Д. *Дневник*. 5 декабря 1941 года. Там же. Л. 38.

¹⁵ Запись в дневнике А. Каргина 23 февраля 1942 года, цит. по: Буров А.В. *Блокада день за днем*. 22 июня 1941 года. 27 января 1944 года. Л., 1979. С. 147.

¹⁶ Краков М.М. *Дневник*. 23 января 1942 года. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 53. Л. 8.

